

Глава 4. Прошлое, в котором он был бессилен

Подобные нотации Система читала ему уже раз десять, если не больше. Си Нянь, впрочем, оставил их без внимания: игнорируя назойливую толпу репортёров, он вернулся в раздевалку, переоделся и уже собирался уходить.

Сунь Мин следовал за ним по пятам и, завидев, что тот направляется к выходу, преградил путь:

— Эй, ты куда? Снаружи полно журналистов, все ждут тебя. Выйди хоть на пару минут, покажи лицо.

Си Нянь, одетый в чёрный спортивный костюм, закинул сумку на левое плечо. Он застегнул молнию до самого подбородка, скрывая половину лица, и по его виду было ясно — давать интервью он не намерен.

— Нет.

Он засунул руки в карманы брюк. Там, скрытые от чужих глаз, его пальцы начали непроизвольно подрагивать; юноше пришлось сжать их в кулаки, чтобы унять эту дрожь.

Сунь Мин поправил очки и, нахмурившись, раздражённо бросил:

— Ты сегодня отобрал славу у Су Гэ, и просто так это не закончится. Его контракт с компанией подходит к концу, и руководство из кожи вон лезет, чтобы его продлить. Если он затаит на тебя обиду и использует этот случай как рычаг давления... сам подумай о последствиях!

Отношения между менеджером и артистом всегда строились на взаимной выгоде: успех одного был триумфом обоих, поражение — общей катастрофой. То, что Си Нянь смог заявить о себе, было на руку менеджеру, но такой «триумф» явно не входил в планы верхушки компании.

Известный идол или бесперспективный новичок — любой дурак поймёт, на кого сделают ставку.

— Мне плевать, — ответил Си Нянь.

«Шаньсин Энтертейнмент» изначально была не лучшим выбором. Из-за кабальных условий контрактов компания погрязла в судебных тяжбах со своими артистами. Репутация её стремительно портилась, а влияние падало, так что актёр не собирался задерживаться здесь надолго.

Сунь Мин, ещё не знавший о его планах, едва не задохнулся от возмущения:

— Тебе что, голову дверью прищемило?! Это всего лишь незначительное соревнование, проиграл бы ты Су Гэ — ничего бы не случилось, возможностей впереди полно. А теперь, когда ты его обошёл, фанатки завтра же устроят тебе кровавую баню в Вэйбо. Ты хоть понимаешь, что натворил?!

Видя это невозмутимое, непрошибаемое лицо, собеседник почувствовал, как закипает. Грудь его тяжело вздымалась от гнева. Напоследок холодно усмехнувшись, он развернулся и стремительно вышел из комнаты.

Си Нянь и не подумал его догонять. Опустив взгляд на правую руку, он заметил, что запястье ощутимо распухло. Поправив рукав, чтобы скрыть отек, он уже собрался в больницу, как вдруг вспомнил, что оставил телефон в шкафчике, и вынужден был вернуться.

В раздевалке никого не оказалось.

Он достал смартфон; на экране на мгновение вспыхнуло время, прежде чем дисплей снова погас.

Двадцать шестое число.

Си Нянь смутно помнил, что в его прошлой жизни именно в это время заголовки Вэйбо взорвались новостью об измене одного известного актёра. Скандал поднялся нешуточный, а тайным кукловодом, вытянувшим эту грязь на свет, был Лу Синчжэ.

Если прикинуть... выходит, тот вонючий папарацци поплатится своей ногой именно сегодня ночью?

Он оперся рукой о дверцу шкафчика, погружившись в раздумья. Система 009, тайно наблюдавшая за ним, заподозрила было в его взгляде злорадство, но при ближайшем рассмотрении оно оказалось чем-то иным.

— Поздравляю с первым местом.

Пока Си Нянь витал в своих мыслях, за спиной раздался ядовитый, сочащийся сарказмом голос. Обернувшись, он увидел Су Гэ. Юноша лишь слегка приподнял бровь, прекрасно понимая: тот пришёл искать неприятностей.

Су Гэ только что вырвался из кольца заседавших репортёров, и вид у него был крайне скверный. Подойдя к кулеру, он набрал стакан воды, чувствуя, как ярость в груди вспыхивает с новой силой. Ледяное безразличие оппонента лишь подлило масла в огонь.

— Доволен собой? — процедил он.

В прошлой жизни Си Нянь провёл в индустрии развлечений достаточно лет, чтобы подобные детские провокации казались ему жалкими. У него не было ни малейшего желания даже на дежурную вежливость. Проигнорировав выпад, он просто шагнул в сторону, намереваясь выйти.

Нет более жестокого оскорбления, чем полное игнорирование.

Су Гэ, и без того взбешённый потерей лица — ведь он должен был прийти до финала, а вылетел в первом же туре, лишившись эфирного времени, — преградил ему путь.

— Куда это ты собрался так рано? Остайся, посмотри, как будут состязаться другие.

В его руках был стакан, до краёв наполненный крутым кипятком. Договаривая фразу, он — то ли случайно, то ли намеренно — вдруг пошатнулся, словно споткнувшись о невидимое препятствие. Его тело накренилось прямо на Си Няня, а из горла вырвался наигранный вскрик:

— Осторожно!

Кипяток лавиной плеснул вниз. Си Нянь среагировал мгновенно, резко отпрянув назад, но в глазах Су Гэ мелькнул недобрый огонь. Он намеренно вцепился в предплечье соперника, не давая тому уклониться. Раздалось шипение: рукав промок насквозь. Горячая вода тонкими струйками стекала по запястью, дымясь на кафельном полу.

Кожа на тыльной стороне ладони Си Няня на глазах начала пунцовать, покрываясь волдырями.

Увидев результат, Су Гэ втайне усмехнулся. Он выпрямился, наконец разжав пальцы, и с фальшивым сожалением развёл руками, глядя на пустой стакан:

— Ой, прости. Ноги подкосились.

С этими словами он скомкал бумажный стаканчик и небрежно швырнул его в урну.

— Не забудь про послезавтрашний финал, — добавил он с нескрываемой насмешкой. — Обязательно принеси нам первое место.

В такой ситуации у пострадавшего обычно два пути: либо проглотить обиду, либо предать случай огласке. Только вот Си Нянь не привык прощать, а в его жалобы всё равно никто бы не поверил.

Дверь раздевалки была полуоткрыта. Су Гэ уже собирался уходить, как вдруг мощный толчок в спину сбил его с ног. Он рухнул на пол, не успев даже вскрикнуть, а дверь за его спиной

захлопнулась с резким щелчком.

Си Нянь стоял над ним. С непроницаемым лицом он расстегнул молнию, стянул насквозь промокшую куртку и бросил её на скамью. Затем, наклонившись, он мертвой хваткой вцепился в воротник обидчика, рывком поднял его с пола и негромко произнес:

— Вообще-то победа в соревнованиях — не главное. Дружба важнее кубков, не так ли?

На его губах заиграла улыбка, от которой веяло могильным холодом. Си Нянь, будто не замечая ожога на собственной руке, с силой обхватил шею Су Гэ и потащил его, словно дохлую собаку, к кулеру. Взглянув на горящий индикатор, он одобрительно протянул:

— О, гляди-ка, горячая вода ещё осталась.

Су Гэ, уступавший ему в силе, барахтался, краснея от удушья. Поняв, что задуманно, он в ужасе расширил глаза и отчаянно засучил ногами:

— Ты спятил?! Пусти! Пусти меня сейчас же!!

Июльское солнце палило нещадно, его лучи заливали комнату сквозь оконное стекло, но они не могли разогнать мрак, исходивший от Си Няня. В этот момент перед глазами с резким звуком возникла Система.

[Внимание! Внимание! Зафиксировано опасное поведение субъекта. Вы нарушили правила исправления. Немедленно прекратите!]

Си Нянь не удостоил её даже взглядом. Свободной рукой он потянулся за новым стаканом, явно намереваясь устроить сопернику «горячую ванну» для головы. От этой картины у Су Гэ душа ушла в пятки. Крики о помощи сменились мольбами:

— Си Нянь! Я был неправ, я виноват! Умоляю тебя, пощади!!

Видя, что юноша не намерен останавливаться, Система усилила воздействие. Синее сияние сменилось тревожным красным светом:

[Пожалуйста, прекратите, иначе эта запись будет отправлена в Межзвёздный штаб. Если ваши действия признают нарушением, вы лишитесь шанса на перерождение!]

Едва слова Системы затихли, всё вокруг замерло. Слово кто-то нажал на паузу, мир превратился в неподвижный кадр. А затем время стремительно отмоталось назад. Насквозь промокшая куртка снова оказалась на плечах Си Няня, а бумажный стаканчик, повинувшись неведомой силе, вылетел из урны и вернулся в руки Су Гэ.

Они оказались в моменте за минуту до начала потасовки.

На полу всё ещё дымилась лужа пролитого кипятка.

Си Нянь застыл, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. С правого рукава всё так же капала горячая вода, обжигая кожу.

Он видел, как Су Гэ, стоя перед ним, сминает стаканчик и бросает его в мусор. Каждое движение, каждое слово в точности повторяло пройденный сценарий.

— Не забудь про послезавтрашний финал, — ядовито процедил тот. — Обязательно принеси нам первое место.

С этими словами Су Гэ отряхнул рукав от невидимой пыли и вышел прочь.

Взгляд Си Няня был ледяным — он всё ещё хотел размозжить эту пустую голову, но конечности налились свинцом, а силы, казалось, ушли в песок. Он не мог сделать ни шагу.

Понимая, чьих это рук дело, юноша оставил попытки сопротивляться. Он прищурился, глядя на парящий в воздухе синий шар, и не то похвалил, не то насмешливо бросил:

— А ты умеешь выбирать момент.

Синее, похожее на желе тело Системы мелко задрожало. Голос зазвучал сбивчиво, прерываясь статическими разрядами:

[Хозяин, пусть это будет в последний раз. Не выбирайте неверный путь...]

«В этой жизни нельзя ошибаться».

Нет в мире тайного, что не стало бы явным. Все кривые дорожки и дурные поступки рано или поздно выплывут на свет.

В раздевалке были установлены камеры. У Си Няня было множество способов ответить на провокацию куда изящнее и безопаснее, но он выбрал самый радикальный путь. Пытаясь наказать обидчика, он едва не погубил себя самого.

Впрочем, он не чувствовал благодарности — Си Нянь никогда не считал себя праведником.

— Не лезь не в своё дело, — бросил он.

Подойдя к раковине, он подставил обожжённую руку под струю холодной воды. Только после этого, подхватив сумку, он покинул стадион и направился к машине, чтобы ехать в больницу.

***

Профессия папарацци всегда считалась презренной и грязной. Стоит появиться мало-мальски стоящей цели, как эти люди, ведомые жаждой наживы и мимолетным хайпом, слетаются на неё, словно гиены на запах крови. И Лу Синчжэ, несомненно, был среди них лучшим.

Полночь. Город погрузился в тишину. Жилой комплекс «Линлун-Бэй», престижный и уединенный, в этот час казался вымершим. Лишь изредка тишину прорезал рев пролетающего автомобиля, который тут же поглощала темнота.

Лу Синчжэ просидел в засаде под сенью деревьев уже восемь часов. Объектив его камеры был нацелен на главные ворота; он не пропускал ни малейшего движения, терпеливо ожидая появления цели. Но заказчик на другом конце провода явно терял терпение: звонки следовали один за другим.

В трубке звучал женский голос — после недолгого шума наступила резкая тишина:

— Когда я получу то, за чем пришла? Завтра утром он улетает в Штаты на съемки. Другого шанса поймать его с этой девкой у нас не будет.

Лу Синчжэ лениво жевал жвачку. Тени ветвей падали на его плечи, мешаясь с темнотой. Он поправил козырек кепки, и его голос прозвучал сухо, словно кубики льда, ударившиеся о край стакана:

— Госпожа Цзянь, к чему такая спешка?

Женщина, которую он назвал госпожой Цзянь, взорвалась негодованием:

— На следующей неделе он подает на развод! Как я могу не спешить?!

В голосе папарацци послышалась усмешка:

— У вас есть выбор: либо ждать, либо искать другого исполнителя.

— Ты!..

Женщина осеклась, подавив поток жалоб.

Каким бы скверным ни было имя Лу Синчжэ, девять из десяти его инсайдов оказывались чистой правдой, а его осведомители были лучшими в деле. Он никогда не показывал лица, и мало кто знал его — ей стоило немалых трудов выйти на него.

Госпожа Цзянь до боли сжала трубку, но всё же заставила себя успокоиться.

— Хорошо. Завтра к восьми утра мне нужны доказательства измены.

— Ждите моего звонка, — ответил Лу Синчжэ.

С этими словами он нажал «отбой».

Время тянулось медленно. В зыбких ночных сумерках у ворот комплекса наконец показалась пара. Они шли обнявшись, напоминая супругов. Мужчина, высокий и ладный, закутался так плотно, что лица было не разглядеть. Он придерживал за талию стройную женщину с длинными волосами. Пара направилась к припаркованному у обочины чёрному спорткару.

С того места, где затаился Лу Синчжэ, снять лицо было невозможно — лишь размытый силуэт со спины. Разминая затекшую ногу, папарацци хмыкнул про себя:

«Цзянь Ихун всегда казался таким добропорядочным простаком, а на деле оказался старым лисом — даже глубокой ночью не снимает маскировку».

Он огляделся по сторонам и спрятал камеру в наплечную сумку. Нахлобучив кепку пониже, он вышел из тени, на ходу делая вид, что увлеченно переписывается в телефоне — обычный случайный прохожий.

Подойдя ближе, он уловил обрывки их разговора.

— Когда ты уже разведешься с этой старой мегерой?

— Скоро, потерпи еще немного. Завтра я улетаю в Америку, меня не будет пару месяцев. Береги себя.

— Я могу прилететь к тебе...

— Нет, нельзя. Журналисты пронюхают...

Лу Синчжэ увидел, как они садятся в машину. Отступив на несколько шагов, он скрылся в густой тени и вскинул камеру. В тот момент, когда пара слилась в страстном поцелуе, он нажал на спуск. В свете уличных фонарей на мгновение сверкнул едва заметный блик линзы.

Артисты кожей чувствуют объектив, особенно когда совесть нечиста. Цзянь Ихун не зря столько лет удерживал образ «правильного парня» — за этим стоял недюжинный ум и изворотливость. Заметив вспышку в боковом зеркале, он инстинктивно обернулся к окну — и его лицо на снимке проявилось с безупречной четкостью.

Поняв, что скрываться больше нет смысла, мужчина в открытую вскинул камеру, делая серию снимков. Цзянь Ихун, осознав, что попался, рывком отпихнул от себя женщину и в ярости выкрикнул:

— Папарацци!

Он тут же закрыл лицо воротником и ударил по газам. В панике, пытаясь скрыться, он выжал максимум, но в ночной мгле не рассчитал траекторию — машина на полной скорости понеслась прямо на Лу Синчжэ.

***

Лу Синчжэ, увидев несущуюся на него грудой металла, рванулся в сторону, но было поздно. Левое колено прошила нестерпимая боль от удара бампером. От мощного толчка его отбросило на обочину, а Цзянь Ихун, даже не притормозив, скрылся в темноте под рев двигателя.

Шум мотора затих вдали, и на дорогу снова опустилось безмолвие.

Пострадавший, оглушенный ударом, долго не мог прийти в себя. Кое-как приподнявшись, он, преодолевая жуткую боль в левой ноге, первым делом бросился проверять камеру. Убедившись, что снимки целы, он наконец выдохнул.

В его ремесле травмы — дело привычное. Лу Синчжэ бросил взгляд вслед исчезнувшему Цзянь Ихуну, убрал камеру в сумку и, цепляясь за ствол придорожного дерева, с трудом поднялся на ноги. Он жадно глотал воздух, пытаясь унять пульсирующую боль. А мгновение спустя... он тихо рассмеялся.

«Ладно уж... не в моих правилах сводить счеты с теми, кто и так уже труп».

Оставалось надеяться, что завтра этот лихач сохранит ту же прыть.

Он отправил заказчице сообщение, используя последние крохи заряда батареи, подобрал с земли бейсболку и, отряхнув её от пыли, попытался идти. Но стоило ему сделать шаг, как колено пронзила такая судорога, что он, потеряв равновесие, рухнул обратно на землю.

— Гхм...

Он умел терпеть боль, но сейчас лишь беззвучно заскрежетал зубами, бледнея на глазах. Обхватив ногу руками, он долго не мог пошевелиться, чувствуя, как спина становится липкой от холодного пота.

«Твою мать...»

Лу Синчжэ закрыл глаза и выругался сквозь зубы. Переведя дух, он коснулся колена — ладонь мгновенно стала влажной и липкой. В непроглядной тьме невозможно было разобрать цвет, но он и так знал, что это кровь.

Чуть поодаль у обочины стоял белый автомобиль. Си Нянь сидел на водительском месте, откинувшись на спинку кресла. Сложив руки на груди, он наблюдал за происходящим сквозь лобовое стекло, на котором играли блики уличных фонарей. Он видел, как Лу Синчжэ поднялся, как сделал пару неверных шагов, волоча ногу.

Два шага — и мучительная остановка.

Еще несколько — и он снова тяжело падает на землю.

Этот короткий отрезок в полтора десятка метров занял у него целых пять минут. Си Нянь сбился со счета, сколько раз тот падал.

Он сидел неподвижно. Возможно, ему хотелось посмотреть, как Лу Синчжэ выберется из этой передрыги в одиночку, а может — просто поглумиться над его беспомощностью. Система уже несколько раз была уверена, что он выйдет помочь, но юноша лишь поудобнее устроился в кресле, продолжая наблюдать.

Он был зрителем, отделенным от сцены стеклянным барьером. Для него всё происходящее было лишь фильмом, а папарацци — персонажем на экране.

Ночные небеса мегаполиса редко балуют звездами — лишь тусклая луна безучастно взирала на землю. Лу Синчжэ прошиб холодный пот; ночной ветер, касаясь влажной кожи, пробирал до костей. Он проковылял еще немного и наконец сдался, без сил опустившись на асфальт.

На этот раз он не смог подняться.

Весь в пыли, с окровавленной штаниной — зрелище было жалкое.

В прошлой жизни он как-то сказал Си Няню, что в ту ночь боли почти не чувствовал. Мол, сначала поехал к заказчице, чтобы продать снимки подороже, и только потом отправился в больницу. К тому времени драгоценные часы были упущены.

— Просто не повезло, вот и захромал, — небрежно бросил он тогда.

Но теперь было ясно: он лгал.

Ему было больно. Невыносимо больно.

Просто некому было его спасти.

Лу Синчжэ вырос в приюте, он был безродным сорняком, у которого и друзей-то почти не водилось. Да и сама его профессия вызывала у людей такое отвращение, что даже в подобной ситуации мало кто нашел бы для него слова сочувствия.

«Так тебе и надо» — вот и всё, что пришло бы в голову большинству.

По крайней мере, Си Нянь думал именно так.

Его взгляд, пронзая стекло, замер на левой ноге папарацци. У колена расплылось темное пятно — запекшаяся кровь.

Время близилось к рассвету, и машин в округе больше не ожидалось.

Си Нянь шевельнулся. Система уже приготовилась к тому, что он снова просто меняет позу, но мужчина вдруг достал из бардачка чёрную маску, надел её и, толкнув дверцу, вышел из машины. Он направился напрямиком к Лу Синчжэ.

<http://bllate.org/book/15807/1422167>